

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1037-1045. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1037
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

General Ermolov and His Role in the Evolution of Public Health Service in the Caucasus

Ivan A. Ermachkov ^{a, b, *}, Larisa A. Koroleva ^c, Natalia V. Svechnikova ^d, Jasmin Gut ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article considers the role of general Ermolov in the organization of public health service in the Caucasus. Emphasis is given to the characteristic features of the epidemiological situation in Imereti and other coastal areas of the north-western Caucasus.

There are used as materials the archival sources of the central state historical archive of Georgia (Tbilisi, Georgia), as well as scientific and reference literature. "Acts collected by the Caucasian archaeological commission" are of great significance in the work.

While solving the tasks there were used the general scientific methods (system analysis, concretization, generalization). The specification of particular aspects is of particular importance in the study, namely the detailing of historical episodes allow authors to model a complete picture of events. For example, this refers to the complex process of establishing the russian military presence in the Caucasus, which in turn made it possible to choose the location of troops, taking into account the climatic situation.

The authors come to the conclusion that by the time of the announcement of general Ermolov – the commander-in-chief of russian troops in the Caucasus, the russian sanitary service has accumulated a wealth experience in the region. This practice has been gained in terms of epidemics of plague and a number of other diseases and allowed to take more effective and timely measures to minimize losses. And actively anti-epidemic measures were carried out thanks to the position of general Ermolov. However, it is necessary to understand that in many respects the concern of general Ermolov about the personnel of the russian troops was due to the fact that the formation of the russian military presence in the region had already been completed and the troops had more freedom to choose the cantonment sites.

Keywords: sanitary service, Caucasus, Georgia, Imereti, General Ermolov, epidemics.

1. Введение

Практически на протяжении всей первой половины XIX века эпидемиологическая ситуация на Кавказе была сложной. В первые полтора десятилетия значительной сложностью было отсутствие оперативного маневра для расквартирования войск. В это время русское присутствие только укреплялось, поэтому войска были вынуждены занимать невыгодные в климатических условиях позиции. Долгое время с климатическими особенностями старались бороться (корчевали деревья, осушали болота), не имея возможности изменить позиции, и только после установления твердого военного присутствия войска получили большую мобильность. Разумеется, такая мобильность совершенно не распространялась на русские войска, которые находились в крепостях на территории

* Corresponding author

E-mail addresses: eia07sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov), la-koro@yandex.ru (L.A. Koroleva), Svechnikova.NV@rea.ru (N.V. Svechnikova), jasmin.gut@etu.unige.ch (J. Gut)

враждебных племен. Ситуация 1800–1815 гг. осложнялась для русских на Кавказе еще и тем, что в это время происходила одна из крупнейших вспышек чумы ([Ermachkov et al., 2018](#); [Ermachkov et al., 2018a](#)).

2. Материалы и методы

В качестве материалов привлечены архивные источники Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия), а также научная и справочная литература. Важное значение в работе имеют «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» ([АКАК, 6](#)).

В ходе исследования были применены общенаучные традиционные методы: системного анализа, конкретизации и обобщения. Важное значение в исследовании имеет конкретизация частных аспектов, именно конкретизация и детализация исторических событий позволяют смоделировать целостную картину происходящих событий. Так, например, это относится к сложному процессу установления русского военного присутствия на Кавказе, что в свою очередь позволило выбирать места расквартирования войск с учетом климатической обстановки.

3. Обсуждение

Как уже неоднократно отмечалось ранее ([Gvarliani et al., 2017: 40](#); [Ermachkov et al., 2017: 429](#)), тема врачебной деятельности на Кавказе является одной из слабоизученных в кавказской проблематике. Эта тема перекликается с изучением эпидемиологических процессов на территории Кавказа. Так, например, упоминания об эпидемиях на Кавказе мы обнаруживаем в трудах А.А. Черкасова и авторского коллектива ([Cherkasov et al., 2016](#); [Cherkasov et al., 2017](#); [Cherkasov et al., 2017a](#)), особенно это касается периода русско-турецких и русско-персидских войн. Также эта тема затрагивалась Е.С. Котеневым с авторским коллективом в общем контексте истории эпидемий чумы на Кавказе ([Котенев и др., 2016](#)). Помимо этого данному вопросу в Каспийском регионе во второй половине XIV – начале XV вв. уделил внимание Т.Ф. Хайдаров ([Хайдаров, 2017](#)).

4. Результаты

Главным местом расквартирования русских войск в Имеретии с 1804 года служил древний столичный город Кутаис, который находился в верхней части долины Риона. Город занимал незначительное пространство в низине. Небольшие, одноэтажные, по большей части деревянные домики, вымазанные глиной и выбеленные известью, были распланированы довольно правильно, улицы же содержались неопрятно и изобиловали пылью, которая тучами носилась по городу во время частых, сильных и продолжительных восточных ветров. Климат Кутаиса не принадлежал к числу здоровых. Заболеваемость среди нижних чинов, и в особенности между рекрутами, была велика. Преобладающей болезнью являлась лихорадка. Среднее годовое отношение больных лихорадкой к здоровым было 1:18, но в разное время года частота лихорадочных заболеваний варьировала. Наиболее благоприятными в этом отношении были весна и зима, когда 1 больной лихорадкой приходился на 22–26 человек здоровых. Повышение числа заболеваний резко начиналось с июля, и летом в среднем из 14 здоровых был 1 больной лихорадкой. Особенно же сильны были лихорадки осенью, когда среднее отношение больных повышалось до 1:8 ([ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 73](#)). Самыми нездоровыми месяцами были август и сентябрь.

Также довольно распространенной среди солдат была цинга, вероятно, в зависимости от прожвания в землянках и недостаточного употребления огородных овощей, которых не разводили ни в Грузии, ни в Имеретии. Чтобы как-нибудь компенсировать недостаток их, весной для приготовления солдатского борща употребляли черемшу, дикую крапиву, редьковник, щерицу (род лебеды) и даже жирную траву, хотя последняя из-за неприятной горечи и остроты делала борщ довольно невкусным. Ни капусты, ни бураков достать было нельзя, и на зиму вместо них заготавливали чахал. Во время поста борщ приправляли соленой рыбой – таранью, сулюю или балыком, которые имелись в продаже в достаточном количестве. Квас готовился без солода и по недостатку погребов для хранения скоро скисал и портился, почему неоднократно делались попытки заменить хлебный квас фруктовым из башмалы (порода груш).

Большое количество больных цингой доставляла Черноморская береговая линия, где едва ли не половина войск болела ею.

Значительно хуже было положение казаков. По роду своей службы они не имели общей артели и никакими потребностями зимнего времени обыкновенно не запасались да притом на отдаленных постах весьма редко доставали мясную пищу. В связи с этим и заболеваемость между ними была выше, чем в регулярных войсках. Упорные лихорадки, изнурительные поносы, горячки и цинга были сильно распространены среди казаков и уносили немало жертв, особенно в приморской полосе.

Береговая приморская линия со стороны Рионской долины, там, где Россия, последовательно подчинив своему влиянию Имеретию, Мингрелию и Гурию, скорее всего вышла к Черному морю, имела крайне нездоровый климат. Жертвы, понесенные там при военных операциях, как, например,

при овладении турецкой крепостью Сухум-кале в 1810 году¹, были немногочисленны по сравнению с тем, что в последующие годы забрала эта неблагоприятная в климатическом отношении область. Белевский пехотный полк, на долю которого выпало первое расквартирование вдоль Черноморского побережья, нес значительные санитарные потери больными. «Коликое число в Потти и Редут-кале ежегодно в Белевском пехотном полку бывает больных, коликое число из оных умирает, а остающиеся как медленно и трудно выздоравливают», – рапортовал Симонович генералу Тормасову летом 1811 года (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 74).

На Потти постоянно указывалось как на чрезвычайно нездоровую местность, хотя город лежал на морском берегу и продувался бризом с открытого моря. Это зависело от постоянной сырости, которая развивалась благодаря разливам реки, лесам и обширным кустарникам, загромаждавшим почву вплоть до самой крепости. Предпринятое обезлесение окрестностей Потти с целью оздоровления не привело ни к чему, потому что лес вырубил узкой полосой по левому берегу Риона, да и вырубил только деревья, заросли же кустарника оставили, и таким образом почва по-прежнему осталась прикрытой и недоступной влиянию свободных воздушных течений.

Редут-кале благодаря культурным работам, предпринятым жителями вокруг своих домов, впоследствии стал менее нездоровым, а в 1830-х гг. это было даже наиболее здоровое место из всех русских поселений Черноморского побережья.

Растительность с вечнозелеными древесными породами, плодородная почва, сторицею вознаграждавшая и малый труд, теплый климат долин, почти не знающих зимы – все это создавало условия, по-видимому, весьма благоприятные для благоденствия местного населения, а между тем едва ли где-либо на Кавказе экономическое положение жителей было более плачевным, чем здесь. Особенно бедно жили имеретинцы (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 74об.). Отчасти это зависело от их беспечности, но в гораздо большей степени обуславливалось образом правления имеретинских царей. Народ веками приучался к тому, чтобы ничего не считать своей собственностью, и, естественно, в силу этого он и не хотел трудиться больше того, сколько требовалось для удовлетворения насущнейших нужд.

Полуголодно, едва прикрытое кое-какой одеждой население не обладало, разумеется, достаточной стойкостью для противодействия различным болезнетворным влияниям и жестоко страдало от эндемической болезни края – малярии, весьма упорной и проявлявшейся в тяжелых формах. Тиф, дизентерия, оспа и корь также хорошо были знакомы местным жителям, однако острозаразные болезни в Имеретии не имели такого широкого распространения, какого можно было бы ожидать. К счастью населения, разбросанность жилищ, плохие дороги и трудные переправы через реки ставили весьма большие препятствия для быстрого и широкого распространения эпидемий. Да и сами жители, несмотря на всю свою беспечность, были довольно осторожны и осмотрительны по отношению к таким больным. Если предпринятое эмпирическое лечение не помогало,² то здоровые члены семьи уходили из жилища, оставив там больного, и лишь издали присматривали за ним, с большой осторожностью доставляя ему пищу и питье. При возрастании числа больных одной и той же болезнью, а тем более, когда последняя оканчивалась быстрой смертью, зараженные сакли покидались совсем, и оставшиеся в живых, похоронив своих покойников, расходились по разным местам. Разнос заразной болезни по большим площадям был характерен практически для всего Кавказа (Ermachkov et al., 2018: 122).

В общем, Имеретия и Мингрелия были по климатическим условиям нездоровыми территориями, главным образом вследствие весьма высокой влажности воздуха и большого количества атмосферных осадков, чему в сильной степени содействовали морской ветер и обширные леса. Иностранец Моренас, который был командирован в Закавказье в 1829 году по высочайшему повелению для обозрения края с промышленной точки зрения, и Шарден, посетивший Закавказье еще в 1672 году (Шарден, 1902), следовательно на 150 лет раньше Моренаса, вполне сошлись в оценке вредного влияния климата Рионского бассейна на здоровье не только пришельцев, но и коренных жителей. Шарден говорит, что первые, пожившие с год в этом краю, желтеют и худеют, а туземцы редко доживают до 60 лет. Моренас, объезжая Имеретию и Мингрелию, сам заболел жестокой лихорадкой и умер в Мингрелии 25 октября 1830 года (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 75об.–76).

Нельзя здесь обойти взгляд Моренаса на кавказские лихорадки, тождественность которых с тропическими лихорадками западно-европейских колоний долгое время не признавалась врачами. Не состоя в числе патентованных представителей медицины, Моренас еще в 1830 году высказал довольно верный взгляд на характер и лечение этих лихорадок и большую смертность от них поставил в вину врачам. В письме к графу Паскевичу он писал³: «Имея достаточный опыт в жарких

¹ Потери состояли из 109 человек – 23 убитых и 86 раненых – и составляли 1/6 десанта, штурмовавшего крепость 10 июля после двухдневной бомбардировки ее эскадрой судов Черноморского флота. В работе «Сборник сведений о потерях кавказских войск» штурм Сухум-кале не отражен (Сборник сведений о потерях, 1901).

² В Имеретии лечением занимались деревенские старухи. Практиковавшиеся ими способы лечения составляли семейную тайну и передавались по наследству.

³ Подлинное письмо по-французски. Здесь приведена выдержка из него в переводе.

странах и судя по тому, что я видел на Кавказе, я убедился, что лихорадки юга Кавказа не так отличны от лихорадок колоний, как об этом говорят. Мой личный опыт показал мне, что при них рвотные, слабительные и меркуриальные средства более вредны, а самое верное средство состоит в диете и приемах хины. С уверенностью можно сказать, что более половины больных лихорадками заболели вследствие несоответствующего режима, плохого питания и непосильной работы, большинство же смертей следует приписать недостаточным знаниям врачей».

Как трудно было акклиматизироваться в Закавказье пришлому элементу, подтвердил также опыт колонизации края иностранными поселенцами, предпринятой генералом Ермоловым с целью удовлетворения некоторых нужд заезжего русского населения, ощутившего большую потребность в разного рода мастеровых, огородниках и фермерах. В 1818 году в Грузию прибыло 500 вюртембергских колонистов (АКАК, 6: 4), которые были поселены в 8 колониях в окрестностях Тифлиса и Елисаветпольском округе. Они начали сильно болеть уже вскоре по прибытии в Закавказье, так что на одни медикаменты для них казне пришлось издержать 4397 руб. 31 ½ коп., то есть почти по 88 руб. на каждого, а по водворении их на места смертность в некоторых колониях оказалась настолько значительной, что многие семейства потеряли почти всех работников. Так, в колонии Анненфельд (в 20 верстах от Елисаветполя) в 1819 году поселилось 91 семейство из 426 душ, а через 10 лет осталось в живых только 48 семейств в составе 160 душ (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 76об.). Следовательно, погибло 62,4% населения колонии. Немного менее, чем Анненфельд, пострадали две другие колонии – Еленендорф и Екатериненфельд. В ближайших к Тифлису колониях дело обстояло несколько лучше, благодаря особым заботам инспектора Грузинской врачебной управы доктора Прибиля, но и тут многие колонисты были отправлены для лечения в военные госпитали. За выздоровевших и умерших в госпиталях впоследствии требовалось уплатить за лечение и содержание по 100 руб. ассигнациями и более за каждого.

Странно только то, что в этом вымирании обвинили прежде всего самих же немцев колонистов, указав как причину этого «невоздержанность в пище, особенно фруктов, упрямство и ослушность лекарским приказанием касательно приема лекарств и диеты». В официальной записке «О состоянии 8-ми Вюртембергских колоний, в Грузии поселенных», говорилось: «Начинающие заболеть оставляли всякое движение, ложились в постели, советы лекарские не имели никакого действия; принимая лекарства, они ели самые вредные фрукты, усмотреть за всеми было невозможно, и многие умирали не от смертности болезней, но от невоздержанности и упрямства» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 77).

Если уже так плохо пришлось в Закавказье немцам колонистам, переселение которых стоило правительству больших денег и за которыми было много всякого надзора, то как же было избежать той же участи русскому солдату, с которого много спрашивалось и мало давалось. Среди такого населения, какое было, например, в Имеретии, благосостояние армии являлось практически недостижимым. Можно было только заботиться о возможном уменьшении числа жертв, и эта забота проявилась во время управления Кавказом генерала Ермолова.

1817-й год ознаменовался необыкновенным разливом рек Терек и Кубани, оставивших после спада воды много заболоченных мест, вследствие чего резко поднялась заболеваемость и смертность на Кавказской линии (АКАК, 6: 6). А тут как раз предстояло предпринять работы по основанию Сунженской линии, которая выдвигала русскую границу к югу и должна была удерживать чеченцев от постоянных нападений и разбоев. Построенная в 1818 году крепость Грозная была оплотом новой Линии.

Вернувшись из Персии, генерал Ермолов прежде всего обратил внимание на печальное санитарное положение войск на северном Кавказе. «Кавказская Линия расположена в местах знойных, производящих в войсках болезни и смертность необычайная», – доносил он всеподданнейшим рапортом 28 июля 1822 года, а начальнику Главного штаба князю Волконскому в то же время писал, что «улучшение старой Линии, чрезвычайно порочной, потребовало бы умножения укреплений в местах до чрезвычайности нездоровых» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 77об.). Находя самым радикальным и единственно целесообразным средством избавления войск от значительной смертности вывод их в новые, удобные и здоровые по климату места расквартирования и, доказывая пользу перенесения пограничной черты с Терека на Сунжу, Ермолов главным образом упирал на санитарные выгоды новой Линии.

Возможно, что в стремлении Ермолова создать Сунженскую линию играли большую роль стратегические, а не санитарные соображения, но несомненно и то, что Ермолов, ценя солдата, сокрушался о тех напрасных жертвах, которые приносились как должная дань за почти полное игнорирование санитарных условий жизни (Зайцев, 2010). И до генерала Ермолова все главнокомандующие в Грузии и на Кавказской линии сознавали необходимость улучшения санитарного быта войск, но каких-либо серьезных мер в этом направлении никто не принимал, отчасти по кратковременности своего начальствования, а отчасти потому, что санитарные мероприятия в то время отождествлялись с лечением. Ермолов взглянул на дело прямо и сохранение солдатских жизней, поставил одной из своих главных задач. Бесповоротно решив не рисковать солдатами там, где можно обойтись без этого, он приказывал выводить войска из тех мест, где заболеваемость и смертность достигали больших цифр. «Видя из рапорта в. пр-ва, – писал он

генерал-майору Грекову (первому), – что те же самые болезни, как и в прошлом году, не взирая на более продолжавшееся холодное время, свирепствуют в крепости Неотступный Стан и в несколько дней число больных умножилось до чрезвычайной степени, я предлагаю вам оставить совсем крепость». Не менее решительно распорядился Ермолов и с Елисаветполем, климат которого давно уже вызывал серьезные жалобы. Еще в 1807 году граф Гудович, приказав Тифлисскому мушкетерскому полку собраться в Елисаветполе, расположил его в окрестностях города, что и объяснил во всеподданнейшем рапорте тем обстоятельством, что «в самом Елисаветполе весьма вредное нездоровое место, где войска наиболее умирают и заболевают, не взирая на то, что о сохранении их прилагаются всевозможные старания» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 78). Ермолов же совершенно вывел войска из Елисаветполя, донеся об этом следующее: «В Елисаветполе иметь запасов невозможно по причине чрезвычайной смертности, коей подвергаются там войска от убийственного климата в летнее время, что с давнего времени понудило меня оставить город» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 78). В июле 1823 года был выведен из Елисаветполя также и военный госпиталь. Больных разместили в ближайших к городу армянских селениях, жители которых уступили свои жилища, новый же госпиталь предполагалось построить вне города.

Случаи оставления войсками вредных в климатическом отношении местностей были и до Ермолова, но это делалось после того, как там вымирало несколько смен гарнизона. Так, при генерале Ртищеве в Карабагском ханстве было занято и укреплено местечко Мигри, в котором расположили батальон 17-го егерского полка с некоторыми другими менее значительными командами. Не прошло и двух лет, как из этого батальона умерло до 400 солдат. Местечко бросили, и Ртищев, донося об этом, назвал его «совершенно для нас бесполезным» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 78об.).

Самым блестящим из санитарных мероприятий Ермолова было перенесение управления Северным Кавказом из Георгиевска в Ставрополь. С этим были связаны крупные денежные затраты, и мера эта не находила должного сочувствия в высших административных сферах. Хотя переименование Кавказской губернии в область с назначением Ставрополя областным городом состоялось в 1822 году, но администрация оставалась в Георгиевске под тем предлогом, что в Ставрополе не было достаточно пригодных зданий для ее размещения (АКАК, 6: 5). Стали строить там казенные дома, строили их весьма медленно, и если бы не настойчивость Ермолова, перевод состоялся бы не скоро. Потеряв надежду ускорить достройку казенных зданий, Ермолов во всеподданнейшем рапорте 6 сентября 1824 года донес Государю: «В нынешний приезд мой на Кавказскую Линию, пробыв в Георгиевске не более одного дня, в то самое время, когда там обыкновенно свирепствуют болезни, я имел случай лично удостовериться о необыкновенно вредном влиянии тамошнего климата. В самое короткое время из 190 человек чиновников статской службы и канцелярских служителей, там находящихся, умерло 11 и заболело 83, так что осталось способных заниматься делом не более половины, но и те, поверженные в уныние несчастными примерами своих товарищей и изнуренные прежними болезнями, едва могут отправлять свои обязанности» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 79). Картина, нарисованная в этом рапорте, была такого удручающего свойства, что ходатайство Ермолова о ежегодном отпуске 10000 рублей на наем помещений для администрации впредь до окончания постройки казенных домов было немедленно удовлетворено, и в конце 1824 года Ставрополь стал административным центром Северного Кавказа не по названию только, а в действительности. Военный госпиталь в Ставрополе уже существовал в то время,¹ и гарнизон города был вполне обеспечен врачебной помощью, которая, однако, и не требовалась в сколько-нибудь широких размерах, так как Ставрополь был одним из лучших в климатическом отношении поселений Кавказской линии.

Постепенно стягивавшиеся в Закавказье войска составляли Отдельный грузинский корпус. Это не вполне удачно выбранное название продержалось недолго, и в 1820 году Корпус был переименован в Отдельный кавказский. В состав его входили 19-я и 20-я дивизии и гренадерская бригада, всего 15 полков: 8 пехотных, 4 егерских, 2 гренадерских и 1 карабинерный – по 3000 человек в каждом² (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 79об.). Высшей военно-медицинской властью в корпусе, а следовательно и в Закавказье, являлся штаб-доктор Отдельного кавказского корпуса. На эту должность был назначен в 1820 году лекарь 2-го класса коллежский советник Зубов,³ бывший

¹ Первое указание на Ставропольский госпиталь относится к 1819 году, когда Ермолов приказал больных из 8-го егерского полка, предназначавшегося в поход, отправить в этот госпиталь.

² 19-ю дивизию составляли полки Кабардинский, Тенгинский, Навагинский, Мингрельский, 43-й и 45-й егерские, а 20-ю дивизию – полки Апшеронский, Ширванский, Куринский, Тифлисский, 41-й и 42-й егерские.

³ Савин Иванович Зубов из духовного звания, воспитывался в Казанской духовной академии и в 1799 году поступил учеником в Петербургский госпиталь. В 1803 году по экзамену в Медико-хирургической академии признан кандидатом 1-го отделения с назначением в Петербургский адмиралтейский госпиталь и в том же году пожалован в младшие лекаря. В 1806 году произведен в лекаря 1-го класса. В 1807 году командирован в Рижский военный госпиталь, где за отличие по службе получил чин коллежского ассесора и назначен оттуда старшим лекарем 2-го класса в

дивизионным доктором 14-й дивизии, который и стал ближайшим помощником Ермолова по военно-санитарному делу. Штаб-доктор Зубов был довольно энергичным, но он был не из кавказских служаек и не знал ни местных условий края, ни быта солдат на Кавказе, так что в этом отношении его роль, по крайней мере в первые годы его службы здесь, не могла быть сколько-нибудь видной. Ермолову самому пришлось ко всему присматриваться, и от него, как боевого генерала, жившего одной жизнью с вверенными ему войсками, и опытного администратора, не укрылись довольно крупные санитарные недочеты кавказских войск.

Прежде всего он чуть ли не первый обратил внимание на полную непригодность обмундирования солдат Отдельного кавказского корпуса к местному климату. Русский солдат пришел в Закавказье в том же, что он носил во внутренних областях России. Предметы обмундирования его в 1804 году были следующие: 1) гренадерская или мушкетерская шапка с прибором, 2) суконная (белая) шинель, 3) мундир с 23 пуговицами, 4) сюртук нестроевой, 5) зимние и летние панталоны, 6) сума патронная, 7) телячий ранец с пряжками, 8) сухарный мешок с ремнями и 9) водоносная фляга (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 80). Впоследствии шапки были заменены лакированными киверами (Karataev et al., 2017: 848). Такая одежда солдата еще годилась в зимнее время, но для теплого периода она была тяжела и совершенно не соответствовала климатическим условиям края. По этому поводу Ермолов писал барону Дибичу: «Кивера в здешнем климате совершенно неспособны, и можно с меньшею издержкою заменить оные гораздо удобнейшим головным убором, не подвергая солдата зною, который, раскаляя на голове лакированный кивер, обращает его в род некоторой пешки. Также можно в Кавказском корпусе кожаные краги вовсе отменить и отпускать панталоны без оных. На китель, по образцу мундира, и на панталоны отпускать равендук, и легкую одежду сию войска Кавказского Корпуса удобно могут носить 5 месяцев в году» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 80). В этих строках определенно выражена мысль Ермолова о том, как следует одеть кавказского солдата. Мысль эта впоследствии осуществлялась понемногу, хотя и спустя сто лет нельзя сказать, чтобы войска на Кавказе были одеты вполне применительно к здешнему климату. Реформа обмундирования совершенно не коснулась обуви. В то же время на Кавказе в среде солдат, и особенно офицеров, считалось особым шиком в течение некоторого времени носить одежду убитого врага. Чаще всего это были черкески, чукяки, папахи, бурки и т.д. (Стреллок, 1870).

Тяжелый войсковой обоз во время походов был значительной обузой и составлял большие проблемы для эшелонов, двигавшихся чаще всего совсем без дорог и переваливавших через горные перевалы иногда по глубокому снегу, людям на себе приходилось перетаскивать орудия по кручам и через пропасти. Исключения в этом отношении не составляли громоздкие по конструкции и неуклюжие санитарные повозки-кареты для перевозки больных и раненых и аптечные ящики с медикаментами и перевязочными средствами. Кареты для больных могли ездить только по дорогам с широкой колеей и сравнительно малым уклоном, для горных же аробных дорог они были и тяжелы, и неудобны по малой устойчивости. Об утилизации их чаще всего не приходилось даже и думать, транспортировка же больных и раненых в лечебные заведения производилась разными импровизированными способами в зависимости от находчивости заведовавшего этим делом и умения пользоваться местными наличными перевозными средствами. Больных возили на арбах, вьючных лошадях или быках; раненые ехали верхом и шли пешком. Аптечный ящик полагался один на полк, а так как из состава полка часто выделялись отдельные батальоны, то в таком случае они оставались без нужного военно-врачебного запаса. Все это было весьма неудобно и нередко приводило к отрицательным последствиям. Для решения этих проблем генерал Ермолов инициировал ходатайство об облегчении войскового обоза: он предложил построить повозки для больных наподобие больших бричек по германскому образцу, аптечные же ящики сделать двухколесными с запряжкой в две лошади и каждый батальон снабдить таким ящиком. Медицинский Департамент военного министерства довольно тяжело поддавался воздействию разных новых веяний и не спешил с реформами в военно-санитарном деле.хлопоты Ермолова не увенчались успехом, и, к сожалению, все осталось по-старому (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 80об.-81).

Осматривая в 1818 году войска на Кавказской линии, Ермолов обратил особенное внимание на карантинные учреждения. Впечатление, вынесенное из осмотра их, было таково, что в письме министру полиции генералу-от-инфантерии Вязмитинову Ермолов откровенно высказал свое удивление, что «язва (чума) не избрала Кавказскую губернию вечным местом своего пребывания». С трудом верится теперь, до чего просто и незатейливо устраивались тогда эти оплоты от грозной чумы. В Усть-Лабинском карантине сомнительное отделение от чистого отделялось двумя перекладинами, продетыми между двумя столбами. Константиногорский карантин (близ минеральных вод) помещался большею частью в плетневых постройках, а Наурский – состоял из одной землянки для окуливания и нескольких плетневых шалашей. И в других пунктах было все в том же роде.

Петровский мушкетерский полк. В 1809 году назначен дивизионным доктором 21-ой дивизии, а в 1816 году перемещен в 14-ую дивизию. В 1820 году получил должность штаб-доктора Отдельного кавказского корпуса и через 4 года произведен в статские советники.

Убежденным сторонником карантинной политики Ермолов никогда не был и неоднократно высказывал свое категорическое убеждение, что нет возможности оградить Кавказ от заноса чумы. «При всем неусыпном внимании попечительного правительства, смею утвердительно сказать, что нет возможности край сей оградить от бедствий заразы. Конечно, страшиться оной нельзя от караванов, проходящих большими дорогами, ибо доселе в малом числе удобные пути могут быть тщательно сохраняемы, но нет войск, могущих пресечь несчетное число малых и скрытых дорог, которыми соседственные народы производят воровство и имеют сообщение с жителями наших областей, не менее хищными, одного с ними вероисповедания и сверх того связанными узами родства. Таково положение границы нашей на всем пространстве прикосновения оной к землям обеих держав мусульманских» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 81об.). Такой скептицизм, однако, не проявлялся по отношению к рубежу внутренних губерний России и Кавказа. С 1818 года Россия отделилась от Турции и Персии тройной карантинной линией. Первая линия находилась в Грузии, вторая – на Кавказской линии и третья – на границе Кавказской губернии с землями донскими и астраханскими.

Кавказская линия была разделена на два карантинных отделения: 1) Екатеринодарское, простиравшееся от устьев Кубани до Усть-Лабинской крепости и состоявшее из Екатеринодарской карантинной конторы, Екатеринодарского карантина и двух карантинных застав: Бугазской и Усть-Лабинской. 2) Кизлярское, охватывавшее район от крепости Усть-Лабинской до устьев Терека и оттуда по берегу Каспийского моря до устья реки Кумы; его составляли Кизлярская карантинная контора, Кизлярский (бывший Лашуринский) карантин и две карантинные заставы: Моздокская и Сладко-Еричная (на берегу Каспийского моря) (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 82).

По Высочайше утвержденному 21 августа 1818 года карантинному уставу карантинные учреждения получали более благопристойный внешний вид и более рациональное внутреннее устройство, но применение этого устава на Кавказской линии встретило весьма существенные затруднения. Прежде всего не было архитекторов, губернский же (Кавказской губернии) архитектор Мясников был не только неисполнительным человеком, но и неопытным в составлении смет, да к тому же он тогда был откомандирован на минеральные воды для наблюдения за постройками. Для возведения карантинных зданий не имелось хороших мастеров и нельзя было найти даже вольных рабочих. Ни белья, ни обуви, ни одежды в карантинах до того времени не полагалось, а все это требовалось завозить вновь. Понятно, что при таких условиях сразу наладиться дело не могло и налаживалось оно довольно долго из-за несочувствия со стороны главного начальника края.

Ясно, что Ермолов не по отрицательному отношению к карантинным мерам, а в интересах вверенного ему края должен был идти на компромиссы, облегчая тяжесть тройного карантинирования игнорированием последней (третьей) из установленных карантинных линий, которая в таких случаях трактовалась как несуществующая, а при благополучном состоянии Кавказской линии и Грузии, ограничиваясь лишь карантинами одной первой линии. Но когда было нужно, он умел настаивать на строгом выполнении всех правил. При самом вступлении в управление Кавказом в 1816 году он получил сведения о том, что в Эрзеруме и других ближайших провинциях Турции, соседних с русскими владениями, свирепствует сильная моровая язва (чума). Тогда он тотчас же обратился к Карсскому и Ахалцихскому пашам с просьбой предупредить жителей подвластных им провинций, чтобы они проходили в русские владения только по большим дорогам, где поставлены карантинные пункты, и что все, прокрадывающиеся в объезд карантинных пунктов, будут под караулом выставляемы за границу, а в случае сопротивления с ними будут поступать как с противником. Ахалцихский паша высказал Ермолову свои сетования на созданные им затруднения в международной торговле и просил от имени всего ахалцихского общества об отмене карантинных пунктов. Ермолов ответил, что «турецкое правительство, не имеющее ни порядка, ни тех спасительных учреждений, какие существуют в европейских державах для предохранения от заразы и, допуская чрез то в своих владениях весьма часто появляться язве, обыкновенно в таких случаях продолжающейся долгое время, само подало повод к учреждению со стороны турецких владений строгих карантинных пунктов». Вполне согласившись с соображениями о крайней стеснительности карантинных пунктов, он тем не менее категорически отказался снять их и, снисходя к просьбе ахалцихского общества, уменьшил лишь карантинный срок с 22 на 10 дней (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 83-83об.).

На Кавказской линии карантинный устав не соблюдался во всей строгости отчасти из «уважения» к местным владельцам из князей, которых не задерживали в карантинах, а отчасти вследствие казачьего своеволия. Казаки переходили через Кубань и Терек для набегов на черкесские или чеченские аулы и, возвращаясь домой, никакому карантинному контролю не подвергались. А между тем из таких походов они привозили награбленное в аулах имущество, пригоняли захваченный скот, а иногда приводили пленников. Об очистке добычи в карантинах не было и речи, и казаки, поделив ее, расходились по домам. Впрочем, пленных иногда отправляли в карантин, но и то на очень короткое время.

5. Заключение

Подводя итоги, важно отметить, что к моменту объявления главнокомандующим русских войск на Кавказе генерала Ермолова русская санитарная служба в регионе накопила богатый опыт. Этот опыт был накоплен в условиях эпидемий чумы и ряда других заболеваний и позволил принимать

более действенные и своевременные меры для минимизации потерь. Активно противоэпидемиологические мероприятия проводились и благодаря позиции самого генерала Ермолова. Однако необходимо понимать, что во многом забота генерала Ермолова о личном составе русских войск происходила благодаря тому, что становление русского военного присутствия в регионе уже было завершено и войска получили большую свободу для выбора мест расквартирования.

Литература

- АКАК, 6** – Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 6. Тифлис, 1874.
- Зайцев, 2010** – Зайцев А.М. А.П. Ермолов: военный и политик // *История и историки в контексте времени*. 2010. № 7. С. 23–35.
- Котенев и др., 2016** – Котенев Е.С., Дубянский В.М., Волынкина А.С., Зайцев А.А., Куличенко А.Н., Кравцова С.Л. История эпидемий чумы на Северном Кавказе и современный эпидемический потенциал природных очагов чумы // *Медицинский вестник Северного Кавказа*. 2016. Т. 11. № 4. С. 612–616.
- Сборник сведений о потерях, 1901** – Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн кавказскогорской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. / Составлен А.Л. Гизетти. Тифлис, 1901. 222 с.
- Стреллок, 1870** – Стреллок Н.Н. Из дневника старого кавказца // *Военный сборник*. 1870. №11.
- Хайдаров, 2017** – Хайдаров Т.Ф. Эпидемии чумы в Каспийском регионе во второй половине XIV – начале XV вв. // *Золотоордынская цивилизация*. 2017. № 10. С. 304–309.
- ЦГИАГ** – Центральный государственный исторический архив Грузии.
- Шарден, 1902** – Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. Тифлис, 1902.
- Cherkasov et al., 2016** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. 40(2), pp. 382-391.
- Cherkasov et al., 2017** – Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. The losses of the Russian army during the Russian-Persian war of 1826-1828: The historical-statistical study // *Bylye Gody*. 2017. № 4.
- Cherkasov et al., 2017a** – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. The losses of the Russian army in transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828–1829): The historical-statistical study // *Русин*. 2017. № 4.
- Gvarliani et al., 2017** – Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799 // *Bylye Gody*. Vol. 43, Is. 1, pp. 39-47.
- Ermachkov et al., 2017** – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. The Sanitary-epidemiological State of the Russian Troops in the Caucasus in 1797–1801 // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44, Is. 2, pp. 428-437.
- Ermachkov et al., 2018** – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part I // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47, Is. 1. pp. 120-129.
- Ermachkov et al., 2018a** – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part II // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48, Is. 2. pp. 558-569.
- Karataev et al., 2017** – Karataev V.B., Belyalova A.M., Artemova S.F., Yakushev A.N. The Combatant of the Caucasian Army (1801–1864 years): Uniform, Equipment, Traditions // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45, Is. 3, pp. 847-852.

References

- АКАК, 6** – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeographic commission]. V 12 t. T. 6. Tiflis, 1874. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2016** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2016). The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 40(2), pp. 382-391.
- Cherkasov et al., 2017** – Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. (2017). The losses of the Russian army during the Russian-Persian war of 1826–1828: The historical-statistical study. *Bylye Gody*. № 4.
- Cherkasov et al., 2017a** – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. (2017). The losses of the Russian army in transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828–1829): The historical-statistical study. *Rusin*. № 4. pp. 38-60.
- Ermachkov et al., 2018** – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. (2018). The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part I. *Bylye Gody*. Vol. 47, Is. 1. pp. 120-129.
- Ermachkov et al., 2018a** – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. (2018). The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part II // *Bylye Gody*. Vol. 48, Is. 2. pp. 558-569.
- Gvarliani et al., 2017** – Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. (2017). The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799. *Bylye Gody*. Vol. 43, Is. 1, pp. 39-47.
- Karataev et al., 2017** – Karataev V.B., Belyalova A.M., Artemova S.F., Yakushev A.N. (2017). The Combatant of the Caucasian Army (1801–1864 years): Uniform, Equipment, Traditions // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45, Is. 3, pp. 847-852.

Khaidarov, 2017 – *Khaidarov T.F.* (2017). Epidemii chumy v Kaspiiskom regione vo vtoroi polovine XIV – nachale XV vv. [Plague epidemics in the Caspian region in the second half of XIV – early XV centuries]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*. № 10. pp. 304–309. [in Russian]

Kotenev i dr., 2016 – *Kotenev E.S., Dobyanskii V.M., Volynkina A.S., Zaitsev A.A., Kulichenko A.N., Kravtsova S.L.* (2016). Istoriya epidemii chumy na Severnom Kavkaze i sovremennyi epidemicheskii potentsial prirodnykh ochagov chumy [The history of plague epidemics in the North Caucasus and the modern epidemic potential of natural foci of plague]. *Meditinskii vestnik Severnogo Kavkaza*. T. 11. № 4. pp. 612–616. [in Russian]

Sbornik svedenii o poteryakh, 1901 – *Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremya vojn Kavkazsko-gorskoj, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae 1801–1885 gg.* [The collection of data on the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasian-Gorskiy, Persian, Turkish and in the Transcaspiian region 1801–1885 years]. Sostavlenn A.L. Gizetti. Tiflis, 1901. 222 p. [in Russian]

Sharden, 1902 – *Puteshestvie Shardena po Zakavkaz'yu v 1672–1673 gg.* [Chardin's trip to Transcaucasia in 1672–1673.]. Tiflis, 1902. [in Russian]

Strellok, 1870 – *Strellok N.N.* (1870). Iz dnevnika starogo Kavkaztsa [From the diary of an old highlander]. *Voennyi sbornik*. № 11. [in Russian]

TsGIAG – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [Central state historical archive of Georgia].

Zaitsev, 2010 – *Zaitsev A.M.* (2010). A.P. Ermolov: voennyi i politik [A.P. Ermolov: military and politician]. *History and Historians in the Context of the Time*. № 7. pp. 23–35. [in Russian]

Генерал Ермолов и его роль в эволюции санитарной службы на Кавказе

Иван Анатольевич Ермачков ^{a, b, *}, Лариса Александровна Королева ^c,
Наталья Викторовна Свечникова ^d, Ясмин Гут ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Университет г. Женева, Женева, Швейцария

Аннотация. В статье рассматривается роль генерала Ермолова в организации санитарной службы на Кавказе. Уделено внимание характерным особенностям эпидемиологической обстановки в Имеретии и на других прибрежных территориях северо-западного Кавказа.

В качестве материалов привлечены архивные источники Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия), а также научная и справочная литература. Важное значение в работе имеют «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией».

В ходе исследования были применены общенаучные традиционные методы: системного анализа, конкретизации и обобщения. Важное значение в исследовании имеет конкретизация частных аспектов, именно детализация исторических событий позволяют смоделировать целостную картину происходящих событий. Так, например, это относится к сложному процессу установления русского военного присутствия на Кавказе, что в свою очередь позволило выбрать места расквартирования войск с учетом климатической обстановки.

В заключении авторы отмечают, что к моменту объявления главнокомандующим русских войск на Кавказе генерала Ермолова, русская санитарная служба в регионе накопила богатый опыт. Этот опыт был накоплен в условиях эпидемий чумы и ряда других заболеваний и позволил принимать более действенные и своевременные меры для минимизации потерь. Активно противоэпидемиологические мероприятия проводились и благодаря позиции самого генерала Ермолова. Однако необходимо понимать, что во многом забота генерала Ермолова о личном составе русских войск происходила благодаря тому, что становление русского военного присутствия в регионе уже было завершено и войска получили большую свободу для выбора мест расквартирования.

Ключевые слова: санитарная служба, Кавказ, Грузия, Имеретия, генерал Ермолов, эпидемии.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: eia07sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков), la-koro@yandex.ru (Л.А. Королева), Svetchnikova.NV@rea.ru (Н.В. Свечникова), jasmin.gut@etu.unige.ch (Я. Гут)